

Густав Майринк

Внушение

Густав Майринк

Внушение

Александр Б.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157551

Густав Майринк

Внушение

23 сентября.

Свершилось. Теперь, когда моя система доведена до конца, страх более не властен надо мной.

Ни один человек в мире не сможет расшифровать мою тайнопись. И очень хорошо – есть возможность с вершин различных областей человеческого знания все заранее продумать вплоть до мельчайших деталей. Эти записи будут моим дневником, куда я смогу, ничего не опасаясь, записывать все, что сочту необходимым для самоанализа. И шифр, обязательно шифр – одного тайника недостаточно, какая-нибудь глупая случайность – и все раскроется.

Не забыть: самые тайные тайники – самые ненадежные. Как абсурдно все, чему нас учат в детстве! Однако с годами я научился смотреть в корень и теперь знаю совершенно точно, как подавить в себе эмбрион страха.

Одни утверждают, что совесть есть, другие отрицают; таким образом, для тех и других – это проблема и повод для дискуссий. Но истина всегда проста: совесть есть и ее нет – смотря по тому, верят в нее или нет.

Моя вера в совесть – это просто самовнушение. Ничего

больше.

Здесь есть одна странность: если я верю в совесть, то она не только *возникает*, но и *противостоит* – сама по себе – моим желаниям и воле...

«Противостоит!» Странно! Итак, Я, которое я вообразил, становится напротив того Я, каким я его создал, и обретает отныне полную независимость...

Но точно так же, по всей видимости, обстоит дело и с другими понятиями. Например, стоит кому-нибудь заговорить о смерти, и мое сердце начинает биться чаще, сам я веду себя как ни в чем не бывало и нисколько не беспокоюсь, что смогут напасть на мой след. А как же иначе? Во мне нет и тени страха – сомнений тут быть не может: слишком пристально я слежу за собой, чтобы это могло ускользнуть от моего внимания; а сердце – сердце начинает биться чаще.

Поистине из всего, что когда-либо выдумала церковь, эта идея с совестью – самое дьявольское измышление.

Интересно, кто первый посеял эту мысль в мир?! Какой-нибудь грешник? Едва ли! А может, безгрешный? Так называемый праведник? Но каким образом праведник мог охватить разумом те inferнальные бездны, которые скрыты в этой идее?!

Здесь, конечно же, не обошлось без какого-нибудь благообразного старца, который взял да и внушил идею совести – как пугало – чадам своим непослушным. Инстинктивная реакция старости, сознающей свою беззащитность перед агрес-

сивным напором юности.

В детстве – очень хорошо это помню – я нисколько не сомневался, что призраки мертвых преследуют убийцу по пятам и являются ему в кошмарах.

«Убийца»! До чего же хитро составлено это слово. «Убийца»! В нем слышится какой-то задушенный вопль.

Мне кажется, весь ужас заключен в букве «й», придавленной свинцовым «ц»...

И до чего ловко обложили люди с внушенным сознанием нас, одиночек!

Но я знаю, как нейтрализовать их коварные происки. Однажды вечером я повторил это слово тысячу раз, пока оно наконец не утратило для меня свой страшный смысл. Теперь оно для меня как всякое другое.

Я очень хорошо понимаю, что эта бредовая идея о преследовании мертвыми может довести до безумия какого-нибудь необразованного убийцу, но только не того, кто анализирует, обдумывает, предвидит. Кто уже сегодня привык хладнокровно, так, чтобы чувство собственной безгрешности не дало течь, смотреть в стекленеющие глаза, полные смертельного ужаса, или душить в хрипящем горле проклятия, которых втайне боится. Ничего удивительного, что такое воспоминание может в любой момент ожить и пробудить нечто вроде совести, которая в конце концов неминуемо раздавит преступника.

Что касается меня, то я – нужно это признать – нашел аб-

солютно гениальный выход из положения; отравить одного за другим двоих и уничтожить все улики – это может любая посредственность; но уничтожить вину, само чувство вины еще в зародыше – это... думаю, это действительно гениально...

Да, если ты – человек сведущий, то тебе можно только посочувствовать, тяжело тебе будет с внутренней защитой; я же судьбой не обижен и, мудро использовав мое незнание, предусмотрительно выбрал такой яд, при отравлении которым агония протекает совершенно неизвестным мне образом.

Морфий, стрихнин, цианистый калий – их действие я знаю либо могу себе представить: корчи, судороги, внезапное падение, пена у рта. Но курарин! Я не имею ни малейшего понятия, как при отравлении этим, ядом наступает летальный исход. Да и откуда мне это знать?! Читать об этом я, разумеется, не буду, случайная возможность что-либо услышать исключена. Ну кому сегодня знакомо хотя бы слово «курарин»?!

Итак, если я не могу даже представить себе последних минут обеих моих жертв (какое нелепое слово!), то каким образом это видение будет меня преследовать? Ну, а если оно мне приснится, то при пробуждении я смогу неопровержимо *доказать* несостоятельность подобного внушения. И какое внушение совладеет с таким *доказательством!*

26 сентября.

Интересно, именно сегодня ночью оба отравленных сопровождали меня во сне: один шел за мной слева, другой – справа. Возможно, потому, что вчера я, предвидя вероятность таких сновидений, зафиксировал ее на бумаге?!

Есть только два способа заблокировать эти сны: либо подвергнуть их детальному анализу и, привыкнув к ним, лишиться их всякого внутреннего содержания, как я это уже проделал с глупым словом «убийца», либо просто вырвать с корнем это воспоминание.

Первое? Гм... Сон был слишком жуткий!.. Я выбрал второе.

Итак: «Я больше не хочу об этом думать! Не хочу! Я не хочу – не хочу – не хочу больше об этом думать! Слышишь, ты?! Ты больше не должен об этом думать!»

Впрочем, такая формула: «Ты не должен» и так далее – некорректна: не следует обращаться к себе на ты – таким образом происходит, так сказать, раздвоение твоего Я, что со временем может повлечь роковые последствия!

5 октября.

Если бы я самым тщательным образом не исследовал природу внушения, то мог бы легко перенервничать: уже восьмую ночь подряд мне снится один и тот же сон. Шаг в шаг,

след в след эта пара идет за мной по пятам. Вечером, пожалуй, куда-нибудь выберусь и позволю себе выпить несколько больше, чем обычно.

Я бы предпочел театр, но, к сожалению, это невозможно: как раз сегодня дают «Макбет»...

7 октября.

А ведь верно: век живи, век учишься. Теперь я знаю, почему меня так упорно *должен* преследовать этот сон. Парацельс высказался на этот счет ясно и недвусмысленно: для того, чтобы видеть постоянно что-либо во сне, достаточно раз-другой записать этот сон. Решено, в следующий раз – никаких записей.

Знал бы это какой-нибудь современный ученый. А то ведь ничего, кроме ругани в адрес Парацельса, от них не услышишь.

13 октября.

Сегодня я должен очень точно записать случившееся, боюсь, как бы мое воображение не добавило впоследствии чего лишнего...

С некоторых пор у меня появилось чувство – от снов я, слава Богу, избавился, – словно кто-то постоянно следует за мной с левой стороны.

Разумеется, я мог бы обернуться, чтобы убедиться в обмане чувств, но как раз это-то и было бы непростительной ошибкой, так как тем самым я признал бы реальную *возможность* чего-то подобного. Так продолжалось несколько дней. Я был все время начеку.

А когда сегодня утром садился завтракать, у меня снова появилось это неприятное ощущение; внезапно я услышал за спиной какой-то скрип и, не успев взять себя в руки, инстинктивно обернулся. Мгновение видел совершенно отчетливо мертвого Ричарда Эрбена, очень мрачного, – заметив мой взгляд, фантом молниеносно шмыгнул мне подальше за спину и затаился, но не настолько, чтобы я, как раньше, лишь догадывался о его присутствии. Если вытянуться в струнку и сильно скосить глаза влево, то можно различить его мерцающий контур; но стоит обернуться, и образ сразу ускользает.

Конечно, мне теперь совершенно ясно, что скрипела старая служанка, которая вечно путается под ногами и подслушивает у дверей.

Отныне я велел ей приходить в то время, когда меня нет дома. Больше никого не хочу видеть рядом с собой.

Как у меня тогда волосы встали дыбом! Думаю, это от того, что кожа на голове резко собирается в складки...

Ну а фантом? Первая мысль – последствия прежних снов, зрительный образ, порожденный внезапным испугом; ничего больше. Страх, ненависть, любовь – силы, которые, раздваивая наше Я, делают видимым скрытое обычно в подсо-

знании, и оно отражается в органах чувств, как в зеркале.

Нет, так дальше продолжаться не может. Теперь мне необходимо внимательно и достаточно долго понаблюдать за собой, а на людях лучше пока не появляться.

Неприятно, что все это пришлось как раз на тринадцатое число. С самого начала мне надо было энергично бороться с идиотским суеверием. Впрочем, это все мелочи...

20 октября.

С каким бы удовольствием упаковал чемоданы и уехал в другой город!

Старуха опять подслушивала у дверей.

Снова скрип – на этот раз справа. Все повторилось, в точности как тогда. Только теперь это был мой отравленный дядя, а когда я прижал подбородок к груди и скосил глаза в разные стороны, то разглядел обоих, слева и справа.

Вот только ног не видно. Впрочем, мне кажется, образ Ричарда Эрбена проступил более отчетливо, он как будто несколько приблизился.

Старухе я должен отказать от места – эта ее возня у дверей становится все более подозрительной; но еще несколько недель буду любезно раскланиваться, как бы она чего не заподозрила.

Переезд вынужден пока отложить – сейчас опасно, очень опасно! – а лишняя осторожность никогда не повредит.

Утром собираюсь посвятить пару часов штудированию слова «убийца» – оно снова начинает наливаться каким-то злокозненным содержанием...

Сделал весьма многозначительное открытие: наблюдая себя в зеркало, заметил, что при ходьбе стал больше, чем раньше, загружать носок, поэтому чувствую иногда легкую неуверенность. «Твердо стоять на ногах» – в этом есть какой-то глубокий внутренний смысл, кстати, слова скрывают великую психологическую тайну. Ладно, постараюсь смещать центр тяжести к пяткам.

Господи, только бы за ночь не забыть половины из намеченного. А то забываю начисто – как будто сон все стирает.

1 ноября.

В прошлый раз специально ничего не стал писать о втором фантоме, но он тем не менее не исчез. Ужасно, ужасно! Неужели на них нет никакой управы?

Ведь однажды я подробно описал два способа, как выйти из-под влияния подобных феноменов. Причем выбрал-то я второй, а сам все время пытаюсь применять первый!

Это что же – обман чувств?

Эти два фантома – результат раздвоения моего Я или же у них своя собственная независимая жизнь?

...Нет, нет! В таком случае получается, что я их питаю моей собственной жизнью!.. Итак, это существа реальные!

Кошмар! Но нет, я их только рассматриваю как реальные самостоятельные существа, а чем они являются в действительности, это... это... Боже милосердный, да ведь я сам не понимаю, о чем пишу. Пишу как под диктовку... Наверное, из-за шифра, который я сначала перевожу про себя.

Завтра же перепису весь дневник обычным языком. Господи, не оставь меня в эту долгую ночь...

10 ноября.

Это существа *реальные*, они мне рассказывали во сне о своих предсмертных муках. Господи, защити меня! Они хотят меня задушить! Я проверил: все правильно – курарин действует именно так, абсолютно точно. Откуда им это знать, если они всего-навсего призраки?..

Господи, почему ты меня не предупредил о загробной жизни? Я бы не убивал.

Почему ты мне не открылся как дитя?..

...Я снова пишу, как говорю; хоть мне все это и не нравится.

12 ноября.

Сейчас закончил переписывать дневник и прозрел. Я болен. Меня спасут лишь твердость, мужество и холодный расчет.

На завтрашнее утро договорился с доктором Веттерштрандом; надеюсь, с его помощью удастся обнаружить ошибку в моей теории. Расскажу ему все и во всех подробностях, он, разумеется, подумает, что я сошел с ума, и не поверит ни одному моему слову, но, чтобы не волновать меня, вида не подаст и дослушает до конца, а потом поделится со мной теми сведениями о внушении, которых мне так не хватает.

Ну, а о том, чтобы он уже больше *не раздумывал* об этом дома, я позабочусь: стаканчик домашнего винца!!!

13 ноября.

.....
.....